

Эдуард Поздышев

Чёрная дыра. Стоять, чтоб услышать.

16+

Эдуард Вячеславович Поздышев Чёрная дыра. Стоять, чтоб услышать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61778153
SelfPub; 2020*

Аннотация

Фантастическое повествование о жизни, смерти и человеческом предназначении. В смысл этих понятий пытается вникнуть герой, волею судьбы вовлечённый в страшные и по-своему увлекательные приключения.

– Где я, святой отец?..

– Я не святой отец... Впрочем, называйте как хотите.

Подумав, священник сказал:

– Думаю, зависит от того, кем вы себя считаете. Кто же вы?

– Наверное, бомж, – сказал я. – По крайней мере, так считают другие.

– А вы как считаете? – спросил священник. – У вас есть дом, работа?

– Не думал об этом, – сказал я. – Давно.

– Как давно?

– С тех пор как оказался здесь.

– Вы один здесь?.. То есть...

Почувствовал, как священник посмотрел сквозь меня и, должно быть, заметил Зинаиду.

– Ведь вы не один, – произнёс он задумчиво. – Значит,

оказались здесь не случайно.

– Но меня никто не видит, даже вы...

– Это нормально, – отозвался священник уже откуда-то издалека.

Шагнув вслед за голосом, я очутился в больнице. В нос ударило смрадным воздухом, но довольно скоро я привык к этому. На кровати лежала высохшая от возраста старушка. На полу у кровати растекалась зловонная лужа – почерневшее тело больной было изъязвлено. Рядом с кроватью сидела молоденькая практикантка из медицинского колледжа, которая тотчас встала и, повернувшись ко мне заплаканным личиком, поведала, кто она и почему здесь находится.

– Уже давно лежит, совсем одна, и не знаю, чем ей помочь.– Всхлипнула и метнулась к выходу.

На её месте возник священник – казалось, он вынырнул из меня. Неуверенно подойдя к лежащей, повернулся и спросил о чём-то взволнованным голосом. За моей спиной зачастил девичий голосок. Сняв с себя пальто, я накрыл им старушку, она словно очнулась от сна и зевнула. Воспользовавшись этим, священник всунул ей что-то в рот и, вероятно, обрадовавшись, что получилось помочь бедной женщине, обод-

ряюще проговорил:

– Не плачьте, всё будет хорошо. Вы ангел. Побудьте ещё, ей это необходимо.

– Но... мне пора... меня ждут, – отозвалась практикантка.

– Времени хватит, – сказал священник, прежде чем покинуть палату.

Присев на прежнее место, девушка протянула к лежащей дрожащую руку, но, окунувшись в моё пальто, рука перестала дрожать, и девушка улыбнулась.

– Ну, – произнесла она, сжимая безжизненную кисть умиравшей, – всё хорошо, миленькая, всё хорошо.

Неслышно приблизившись к кровати и осторожно взяв своё пальто, я шагнул сквозь больничную стену и очутился на улице.

«Это нормально, – припомнил слова священника. – Теперь я хоть чем-то пахну».

Не зная, как вернуться туда, откуда пела тишина, я отправился на звук. Звук отчётливо раздавался от одного из гара-

жей, мимо которых я проходил. Просочившись в гараж, ощутил тяжёлый запах. Внутри стояло шикарное авто с включенным двигателем. Проникнув в приоткрытую дверцу, присел на водительское место. Заинтересовавшись шорохами, издававшимися за спиной, повернулся и на задних сиденьях увидел двух задремавших людей. В неестественных позах там замерли полуобнажённые мужчина и женщина. Сильно пахло алкоголем и выхлопными газами. Мужчина очухался первым.

– Фу! От тебя несёт, как от вонючей старухи, – пробурчал пьяным голосом, кряхтя и выкарабкиваясь из салона.

Затем, рухнув на пол, еле сумел подняться на ноги. Кое-как одевшись и, видимо, сообразив, что происходит, он торопливо, насколько мог, распахнул ворота гаража. Затем плюхнулся на меня и, вцепившись в руль, произнёс:

– Эх, любимая, доигрались. Надо отсюда выбирать.

Машина неуверенно выехала из гаража. Меня же вышвырнуло на асфальт. Упав, больно ушибся, и ссадины на руках и на лбу потом долго напоминали о себе. На лице я почувствовал свежий кровоподтёк. Пока сладкая парочка подвыпивших любовников, вяло переругиваясь, выясняли, кому вести машину, я решал, куда мне податься. В результа-

те мужик, с трудом закрыв гараж, пошатываясь, удалился, а дама села за руль. В последний момент, сообразив, что нам по пути, я протиснулся на заднее сиденье. Несмотря на то, что в салоне было прохладно от работавшего кондиционера, находиться там было нестерпимо. Очевидно, что дама испытывала похожие ощущения, но, вероятно, совсем по другой причине.

Женщина, непрестанно морщась и то и дело затыкая нос, вслух ругала кого-то. Я понимал, что своим запахом подставляю её мужика, но что было поделать – я чувствовал, что должен был ехать с ней. В свою очередь, мне не требовалось постоянно затыкать нос – тяжелый дух, исходивший от дамы, её ругань и невыносимая музыка, сотрясавшая салон, компенсировались убаюкивающими звуками тишины, разливавшимися в моей голове. Задремав на какое-то время, я очнулся от душераздирающего грохота. Придя в себя, догадался, что это всё ещё грохотала музыка. Кроме меня в автомобиле уже никого не было – видимо, хозяйка забыла выключить аудиосистему. К тому же в авто стало душно, и я без промедления выполз из машины.

Рядом с особняком, должно быть, принадлежавшим даме, стояла невзрачная церквушка с обшарпанными стенами. Я знал, что это не те стены, откуда пела тишина, но звуки исходили оттуда. И направился к полуразобранной ограде. По-

думалось, что либо это сельская местность, либо небольшой городок, что ремонт ограды – это всё, на что пока хватало в этом приходе средств.

Впервые за несколько лет я ощущал пронизывающий холод и буквально сваливающую с ног усталость. И едва доплетясь до ограды, упал и сразу уснул.

– Я словно во сне, – сказал я священнику. – И никак не пойму, где же явь, а где сон.

– Со временем разберётесь, – услышал в ответ и проснулся. – Вы сами должны разобраться.

– Ну как же я разберусь-то без вашей помощи? – в недоумении разводя руками, восклицал надо мной бородатый немолодой мужчина в меховой шапке и коричневой дублёнке. – Вы, отец Василий, священник, настоятель, как-никак... Придёте к ним в подряснике, с вами и разговор-то другой, а я...

– А вы староста, – отвечал тот, кого называли отцом Василием, – лицо ответственное. Так что – держитесь поувереннее!.. Что мне теперь, из-за каждого кирпича в управлении

пороги обивать?

Хлопнула дверь машины, и автомобиль, быстро набирая обороты, умчался по заснеженной дороге.

– Вот лентяй! – пробурчал староста. – Молодые, безответственные... Всё бы им шастать по соседским приходам!

По подмёрзшей тропе, ведущей к церкви, зашуршали, удаляясь, добротные боты старосты.

Я поднялся со своего лежбища. За время, пока я спал, одежда на мне успела промокнуть и задеревенеть. А на самом том месте наклёвывался сугроб. Я не знал, как долго я спал, и не помнил, происходило ли со мной что-то во время сна, но холода я уже не чувствовал, как, собственно, не ощущал и тела. Однако не надолго. Вскоре появилось жжение в кистях рук и на лице, особенно в повреждённых участках. Наверное, они покраснели, а может быть, и побелели, но мысли об этом меня не встревожили. Единственное, что беспокоило, это куда же теперь идти и что делать дальше. И я шагнул вслед за старостой.

Когда прекращается пение, появляется пустота. Как будто падаешь в бездну. И хочется лечь и уснуть и никогда уже не просыпаться.

Не было ничего: ни звуков, ни даже мыслей. Только оглушающий грохот действительности. И хоть мне достаточно лишь представить, чтобы оказаться в любой её точке, вникать в смысл происходящего – как заглядывать в чёрную дыру.

Подумав о последнем, что видел, тотчас очутился в натопленном помещении, вероятнее всего, в кочегарке, где и обнаружил старосту, о чём-то с важным видом разглагольствовавшего перед мужиком с помятым лицом.

Машинально потопав, чтобы сбросить с обуви снег, я подошёл к печке и, приоткрыв чугунную дверцу, наклонился над топкой. Староста внезапно примолк и, очумело посмотрев на меня, ткнул в меня пальцем.

– Это... Ты видал? – спросил он истопника.

– Чего? – задрёмывавший истопник вялым взглядом посмотрел на приятеля.

– Ничего не слышал? – испуганно озираясь, староста вжал голову в плечи.

– Нет. А чего?

– Сначала что-то ударило... потом – дверца... – упавшим голосом выдохнул староста.

А мне приспичило поупражняться в некогда позабытой морзянке. В комнатке воцарилось молчание. Замер и я.

– Понял... Всё понял, – из последних сил проговорил староста. – Это... С духовными лицами так нельзя.

И, скривив лицо нервной улыбкой, скинул дублёнку и лихорадочно принялся шарить по карманам пиджака.

Лицо же истопника сделалось неожиданно осмысленным. Ничего не произнося, с маниакально-решительным взором, явно сосредоточившимся на определённой мысли, он методично совершил ряд последовательных действий. Неспешно поднявшись со своего лежака, привычным движением засунул босые ноги в валенки, не глядя, выгреб из-под матраца несколько свалявшихся денежных купюр и медленно, но уверенно покинул каморку.

Тем временем староста одной рукой извлёк из кармана мобильник и дрожащим пальцем другой дважды нажал на кнопку вызова. В невыносимой тишине меня сначала оглушили протяжные гудки, а потом в голове зазвучал резкий

ГОЛОС:

– Да, Сергей Сергеевич! Слушаю!.. Я слушаю!.. Ну, что ещё?

– Отец... Отец Ва... Отец Василий!.. – взволнованно заговорил Сергей Сергеевич.

– Что с вами, Сергей Сергеевич? – голос в голове стал менее резким.

– Про... простите меня, отец Василий! – староста не смог сдержаться и заплакал. – Простите! Я... Я не должен был... Мне нельзя... Вы священник, а я...

– Сергей Сергеевич? Вам плохо? Скажите, где вы? Я тотчас приеду!..

– Н-е-е-т! Не надо!.. Дорогой батюшка! – с искренними обезоруживающими нотками во всю уже смеялся растроганный Сергей Сергеевич. – Я, старый дурак, обижался! А вы – истинный пастырь! Истинный, истинный...

– Сергей Сергеевич, дорогой, – уставшим голосом, но по-доброму отозвался отец Василий. – Ступайте домой, отдохните пару деньков. Я сам, слышите?.. Сам съезжу и всё сде-

лаю... Вы меня слышите?..

Но я уже слушал поющую тишину.

Когда просто слушаешь, то отчего же не постоять! Другое дело, когда одолевают мысли, особенно о том, так ли это важно. Давно бы спросил, но, когда так слушаешь, не хочется и спрашивать.

Заметив мужчину, переминавшегося с ноги на ногу, и узнав в нём мужика из гаража, захотел спросить. Стоя рядом со мной, он явно недоумевал, зачем он здесь. На мгновение мы очутились на муниципальном кладбище, расположенном за чертой города. Перед выкопанной могилой в гробу лежало тело старушки из больницы.

Когда снова запела тишина, я спросил:

– Почему он здесь?

– Его привела мама, – ответил священник.

Старушка стояла впереди и, не оглядываясь, слушала тишину.

– Как тебя звать? – спросил я у мужика.

– Его имя – раб Божий Стефан, – прозвучал в ответ голос священника.

– А сам что, язык проглотил? Он хоть что-нибудь слышит?

– Сейчас отпевают его маму. Не отвлекайте его.

– Но почему?... Зачем?! Зачем?! Зачем?! – заорал я, подавшись мыслям.

Но перекричать тишину было не по силам. И я перешёл на шёпот:

– Как же я хочу...

– Того, что вы хотите, – перебил голос священника, – здесь нет.

– Всего-то, – ностальгически продолжил я, – сидеть в своём кресле! И думать! Рядом моя Зинаида...

– Так вперёд! Неужели тебя кто удерживает? – услышал я

в своей голове.

Обратившись к Зинаиде, спросил:

– Ты со мной?

Но подойти и помешать ей я не решился. Лишь прокричал, что буду ждать её на нашем месте.

– Канал Грибоедова... Гостиница «Гоголь»... Номер... – впрочем, я знал, что если она услышала, то сможет найти меня где угодно.

И вновь оказался у полуразрушенной ограды. Неподальку от меня на импровизированной в церковном дворе скороспелой звоннице благовестил небольшой колокол. А вместо колокольни, некогда существовавшей над сводами чудом уцелевшей доньше церквушки, обезглавленное здание было временно увенчано деревянным крестом с облупившейся краской.

По заснеженной дороге, ведущей к церкви, медленной вереницей шли люди со скорбными лицами. Первой мимо меня прошла женщина, в которой я узнал даму из гаража. Остановившись на минуту, она посмотрела на меня. Лицо её было запачкано тушью, стекавшей с ресниц вместе со слезами.

Вскоре подоспел и общий знакомый. Могучей ручищей слегка протолкнув женщину вперёд, раб Божий Стефан замер и бесцеремонно на меня уставился.

– Ты меня видишь? – спросил я.

– Короче, – густым басом заговорил бугай, оставив без внимания вопрос, – мне по фигу, кто ты такой, но морда мне твоя знакома. В общем, слушай меня внимательно.

Одной рукой навалившись на моё плечо, другую раб Божий засунул мне в карман. Тотчас вынув и указывая куда-то в сторону, проговорил тоном, не терпящим возражений:

– Видишь тачку? Ключи у тебя. Когда выйду из церкви, то чтобы ни тачки, ни морды твоей больше не видел.

В авто, припаркованном у коттеджа, я узнал знакомую машину.

– А в той хате... – Стефан кивнул на коттедж. – Там не заперто. Халдеям скажешь, что Стёпа прислал. Короче, поешь там, помойся и прикид поменяй.

На прощание Стёпа, ухватившись рукой за лацкан моего пальто, брезгливо меня оттолкнул.

Оказавшись внутри коттеджа, припомнил, что уже бывал в этом доме. На комод в гостиной стоял портрет моего шефа. Фотография была в чёрной рамке и с траурной лентой. Душ я принял в душевой кабине, которую когда-то сам помогал шефу выбирать в магазине. После душа оделся в то, что предложили люди, названные Стёпой халдеями. Костюм шефа и его пальто пришлись мне впору. И, накормив на кухне обедом, «халдеи» проводили меня до машины.

Казалось, теперь у меня было то, чего так хотелось: удобное кресло, для того, чтобы думать, уютный домик на колёсах и долгий путь, предназначенный мне одному. И видел я теперь только то, что хотел. Я видел себя таким, каким хотел видеть. Даже одежда на мне была такая, какую всегда хотел носить. Но главное – теперь я мог думать о том, о чём хотел, и чувствовал, что никто на свете не вправе меня контролировать, потому что такого, каким я теперь стал, я сам ни у кого не просил. Меня отдали мне самому – пусть даже за ненадобностью. Но мне было всё равно.

И ехал я туда, куда и когда хотел, когда же не хотел, то не ехал, а просто часами стоял на обочине и беспрепятственно думал. И знал, что никто мне не помешает, поскольку был

уверен, что не мешал никому. Когда хотел, ехал быстро, когда хотел – медленно, не думая ни о каких правилах, как не думал и о том, что буду есть и где буду спать. И не останавливался даже тогда, когда пытались останавливать. Поначалу с тревогой ожидал погони. Но вскоре тревога отступила, и я ни на кого уже не обращал внимания. Однажды остановился лишь потому, что захотел сам. Попросили показать документы. Порывшись в бардачке, отыскал что-то и показал – отпустили, пожелав счастливого пути.

И ехал так, без особого направления, пока не закончилось топливо. Выйдя из машины, остановил попутку, понадеявшись, что помогут оттолкнуть на обочину. Подумалось: поживу там, пока что-нибудь не изменится. Но, взяв моё авто на буксир, помогли добраться до заправки. На автозаправочной станции подошёл молодой человек, охотно помог разобраться с маркой бензина и, вставив в бак пистолет, проводил до кассы. А я, оказавшись в щепетильной ситуации, поскольку не знал, чем расплатиться, засунул руки в карманы и положился на удачу.

– Как будете расплачиваться, наличными или картой? – спросили меня на кассе.

В кармане пальто нащупал какую-то карту и, вынув, показал её кассирше. Кассирша улыбнулась, предложив мне ко-

фе и хот-дог. Подумал, почему бы не подкрепиться, а дальше – будь что будет.

– Вставьте, пожалуйста, карточку в терминал и наберите код, – подсказала улыбчивая кассирша.

Похоже, моя память работала на меня, безошибочно выхватывая из прошлого нужные мне фрагменты. Я не помнил, мог ли раньше видеть эту карту, но, уверенно вставив её в терминал, машинально набрал код. Код оказался верным, и, перекусив, я вернулся к своему маленькому домику.

С тех пор везде – на заправках, в придорожных кафе и мотелях – я беспрепятственно расплачивался картой. И то ли карта была какая-то особенная, то ли внешний мой облик казался убедительным, но даже в случаях, когда с меня требовали паспорт, как-то получалось обходиться без него. Однажды в гостинице какого-то большого города в номер постучался офицер и потребовал предъявить документы. Я сказал первое, что взбрело на ум, и любезно предложил ему разделить со мной скромный ужин. Я позвонил на ресепшн, и скромный ужин доставили в номер. За текилой, честно рассказал офицеру обо всём, что со мной было, и, от души посмеявшись, он весело распрощался. Прощаясь, попросил, во избежание каких-то последствий, не покидать город, по-дружески посоветовав не пренебрегать его просьбой. И вечером

следующего дня заявился с компанией. Мне снова пришлось обо всём рассказать, все смеялись до слёз, а потом пригласили меня продолжить ужин в другом месте. До утра возили по злачным местам, я угощал новых друзей коктейлями, а утром кто-то из нашей компании на спор вызвался позвонить какому-то Стёпе. После звонка меня сразу же отвезли в гостиницу, и где-то через час постучался человек, представившийся фотографом, объяснив свой визит тем, что друзья-де приготовили для меня подарок, для чего мне и надо сфотографироваться. Уходя, уговорил побыть ещё в гостинице. Потом опять приходил офицер и, дрожащими от похмелья руками просовывая что-то в карман моего пальто, плаксивым голосом умолял без промедления уехать из города. Тотчас покинув гостиницу, я сел за руль и, выехав за городскую черту, по привычке остановил автомобиль на обочине. Припомнив о подарке и нащупав в кармане, рядом с чудо-картой, какую-то книжицу, достал её и полистал. Это был новенький паспорт с моей фотографией.

Наличие паспорта расширило возможности; казалось, весь мир был у моих ног. Ничто теперь не препятствовало думать повсюду – в любом месте меня ожидало удобное кресло. Постепенно передвигаясь из города в город, доехал до Петербурга. Доселе не приходилось бывать там зимой. И захотелось осесть где-нибудь ближе к центру. Застряв в автомобильной пробке у какого-то из каналов, обратил внимание

на надпись «Отель Гоголь». Она была над одной из дверей углового шестиэтажного дома, замыкавшего ряд похожих зданий, выстроившихся вдоль дороги по ту сторону канала. Точнее, это были приделанные к стене буквы, составлявшие надпись, и, выполненные под цвет дома, они будто сливались со стеной. Отчасти из-за того, что даже при пристальном взгляде надпись не сразу можно было увидеть, но более из-за самого названия я решил попробовать постучаться туда. Однако труднее оказалось пересечь канал – пешком бы заняло не больше минуты, но на автомобиле пришлось поплутать. То, что в час-пик на парковке рядом с отелем случилось свободное место, вселило в меня уверенность, и, следуя интуиции, я согласился на первое, что предложили на ресепшене. А то, что двухместный люкс располагался на шестом этаже, лишь подстегнуло мою интуицию, как, впрочем, и то, о чём узнал, ожидая, пока меня разместят. Основную часть помещения, где примостился ресепшн, занимало нечто, похожее на бар. Там я и познакомился с москвичами, немолодой семейной парой, страстными любителями путешествовать. В зимнюю пору в их круглогодичной туристической программе южные курорты нередко уступали европейским городам, в числе которых Питер являлся наиболее часто посещаемым ими городом. Впрочем, почти всегда это связывалось с их профессиональной деятельностью и постоянными командировками, свикнувшись с которыми они изрядно преуспели в искусстве извлекать из полезного приятное. Они поведали,

что в доме, где находилась гостиница, названная в честь знаменитого писателя, прославленный сочинитель некогда создавал свой первый мистический роман. И мне вдруг подумалось, что пусть и не в той самой комнате, где проведу я грядущие дни, и даже не в самом этом доме слагались те давние думы, но, может быть, именно здесь суждено, наконец, понять, куда и откуда я еду, где и почему отказался стоять и есть ли ещё что-то такое, на что бы я мог променять неведомо как и когда утраченную мной тишину.

Гостиница, где остановился, находилась на канале Грибоедова. И порой в редкие погожие дни после завтрака я выходил на прогулку. Почти всегда, побродив вдоль канала, упирался в Невский и оттуда смотрел на соборы. Иногда, пересекая проспект, прогуливался до Спаса на Крови и, возвратившись, сворачивал на проспект. По проспекту обычно шёл быстро и бездумно, лишь на какое-то время замирая у Казанского собора. Меня словно тянуло к соборам, безвольно взирая на которые, я всё тщетно силился вспомнить о чём-то. Но, снова окунаясь в грохочущий Невский, довольно скоро уставал и, каждый раз сожалея, что не воспользовался авто, едва доплетался до Дворцовой площади. У реки мне катастрофически не хватало осени – доселе приезжал в Петербург только осенью, – и потому, не задерживаясь на набережной,

режной, я быстро уходил, почти инстинктивно следуя в одном и том же направлении. Вскоре всегда оказывался у Исакиевского собора и, всякий раз с невольным беспокойством всматриваясь в могучие стены, чувствовал, как в моём сознании неясными мгновениями беспомощно вспыхивали и тотчас гасли какие-то назойливые и в то же время неуловимые воспоминания. Но, возвращаясь в номер, где ожидало меня удобное кресло, я снова забывал обо всём, что тревожило, и, погружённый в привычные думы, подолгу безучастно смотрел сквозь окно, с уютной высоты последнего этажа, на всё одни и те же окрестные крыши и на погребённый под ними мир, с каждым днём всё стремительней утекавший из моей занемогшей памяти.

Однажды в довольно морозный, но яркий и солнечный день я не усидел и, выйдя из номера до полудня, вернулся глубоким вечером. И хотя этот день выдался лучшим из всех, но именно с него началось моё падение в бездну.

Возвращаясь с продолжительной и необычайно приятной прогулки, мне захотелось посидеть в уютном кафе, располагавшемся неподалёку от гостиницы и в непосредственной близости от канала. Кафе походило на неплохой ресторан, с просторными залами, живой музыкой, удобно и изящно оборудованными столиками и прилежавшими к ним мягкими креслами и диванами. По-видимому, был выходной, и, оче-

видно, поэтому в кафе собралось достаточно посетителей. Но так как я находился в на редкость приподнятом настроении, то вовсе и не расстроился, что не нашлось отдельного столика. Присев по соседству с приятного вида женщиной, я пожелал заказать бокал хорошего вина и, любезно попросив официанта помочь мне с выбором, сходу выбрал самое дорогое и, вероятно, действительно лучшее из предложенного. И, помню, был весьма удовлетворён как тем, что принесённым напитком оказался херес, так и тем, что херес мне показался вполне приличным. К вину заказал немного фруктов. В зале звучала спокойная музыка. Девушка играла на пианино какую-то из популярных мелодий Шопена. Узнав мелодию, я, видимо, вслух произнёс имя композитора, и, очевидно, в ответ на мою нечаянную реплику, рядом со мной прозвучал приятный женский голос:

– Да, Шопен.

Голос принадлежал моей соседке. Она сидела напротив, и перед ней на столике стояла лишь чашечка с кофе. Прежде чем женщина показалась мне привлекательной, она скорее привлекла меня тем, что как будто показалась знакомой. И какие-то мгновения, обдумывая эту вероятность, я находился в некотором смущении и не тотчас сумел её разглядеть. Но в следующее мгновение, убедившись в своей ошибке, сразу понял, что женщина просто – привлекательна, и поду-

мал, что именно по причине её привлекательности и могла показаться мне знакомой. Впрочем, она выглядела так, как может выглядеть, наверное, любая женщина, если заблаговременно позаботится о своей внешности в преддверии какого-нибудь значительного для неё события. На ней, без сомнения, было праздничное платье, а над красивой причёской на её голове явно совсем недавно старательно потрудились в парикмахерской.

– Шопен? – сказал я, других слов у меня почему-то не нашлось. – И я не ошибся?

Соседка доброжелательно улыбнулась.

– Простите, – сказал я. – Быть может, вы кого-то ждёте? И я тут... совсем некстати... То есть, скажем, бесцеремонно занял чужое место...

Женщина недоумённо взглянула, но, тотчас, видимо, сообразив, о чём я, непринуждённо ответила на мой, в общем-то, не вполне уместный вопрос:

– Ах, не-е-т, что вы!..

Но тут же и осеклась и следом спросила:

– А почему вы так решили?

– По вашему облику, – сказал я, немного смутившись. – Может быть, у вас здесь назначена встреча... Деловое свидание... Хотя...

Я чувствовал, что оправдываюсь, но поспешил себя поправить:

– Выглядите вы, прямо скажу, празднично!

– Ах, вот вы о чём, – соседка взяла ложечку и принялась помешивать свой кофе. – Да нет!.. Хотя да – вы отчасти правы... Кстати, спасибо...

– Пожалуйста...

– Но только мой праздник будет не здесь, – продолжила говорить соседка. – Просто я жду здесь... подругу. И у меня есть немного времени посидеть и послушать Шопена.

– Понятно, – сказал я, с удовольствием пробуя вино. – Угощайтесь, если хотите.

Я улыбнулся и кивнул на фрукты.

– Спасибо, – отрицательно покачала головой женщина и спросила: – А вы?

Задорно усмехнулась:

– Хм, вы ведь тоже совсем не буднично выглядите!..

– Хм! – усмехнулся и я. – Спасибо!

– Пожалуйста!

Встав из-за стола, я назвал своё имя и, быстро сев, вопросительно взглянул на соседку.

– Очень приятно, – ответила соседка. – Зинаида...

– Что?! – неожиданно воскликнул я.

– Что?! – встревоженно воскликнула женщина.

– Простите, – упавшим голосом промолвил я. – Я так...
Вспомнил.

– Вспомнили... Зинаиду? – участливо спросила Зинаида.

– Да... Зинаиду... Наверное...

– Знакомую?.. Или...

– Нет... Так... Ничего. – Я и не знал, что ответить, потому что и сам ещё не понимал, о чём же таком я вспомнил.

Зинаида позвала официанта и попросила поменять кофе, заказав другой вместо остывшего.

– Эта знакомая, Зинаида, – немного вкрадчиво продолжила прерванный разговор Зинаида, – она как – жива, здорова?

– Думаю, да, – справившись с оцепенением, ответил я.

– Так... может быть... расскажете мне о ней?

– О нет! – воскликнул я. – В присутствии женщины говорить о другой...

– О да! – в тон мне воскликнула женщина и рассмеялась. – Ну! Раз ваша знакомая в порядке...

– Расскажите лучше вы, – неожиданно предложил я.

– О чём?

– О вашем празднике, если это не секрет.

– Ах, какие же могут быть секреты от первого встречного! – шутливо проговорила женщина, пригубив свой кофе. – Всё просто! Мы с друзьями сегодня будем обмывать кресло!..

– Кресло?..

– Да, кресло. Мой начальник... то есть один давний знакомый, можно сказать, друг детства, на днях занял кресло в совете директоров нашей компании... Ну, где я работаю. Вот. И по этому поводу у нас сегодня что-то вроде корпоративной вечеринки. – Зинаида озадаченно посмотрела на часы. – Вот только виновник торжества, похоже... засиделся... в своём кресле.

– Интересно, – задумчиво произнёс я.

– Что именно? – поинтересовалась соседка.

– Мой праздник тоже связан с креслом. Только с точностью до наоборот.

– Как это?

– Сегодня я праздную то, что впервые за несколько дней сумел оторваться от кресла. Сегодня я наслаждаюсь солнцем, чудесным морозным днём и приятной компанией с прекрасной незнакомкой!

– В каком смысле оторваться от кресла? – спросила прекрасная незнакомка. – Чем же таким вы заняты в вашем кресле?

– Думаю. Размышляю.

– А-а! Ну это, должно быть, приятное занятие.

– Не знаю. Наверное, – сказал я. – Это, в сущности, то, чему я посвящаю всё своё время.

– И о чём же вы думаете?

– Сейчас я думаю о вас. И о том, позволите ли вы мне вас угостить? Хотите бокал вина? Уверю вас, херес великолепен!

– Ну ладно, – согласилась соседка.

Я заказал вино. Мы проговорили ещё с полчаса. Потом Зинаида засобиралась и принялась прощаться.

– А как же ваша подруга? – заметил я.

– Подруга?.. А! Она не придёт.

– Так позвольте, я вас провожу?

– Нет, спасибо, здесь рядом... Благодарю вас за вино. С вами было приятно побеседовать.

– Так мы больше не увидимся? – обеспокоенно произнёс я.

Немного подумав, женщина ответила:

– Увидимся, если вы меня куда-нибудь пригласите. Завтра воскресенье... Вот... вам... мой номер.

Зинаида достала из сумочки ручку и написала на салфетке номер мобильного телефона.

– Конечно приглашу! – оживлённо заговорил я. – У меня машина. Я сегодня весь вечер буду думать и обязательно придумаю, куда вас можно будет пригласить!

– Договорились. Вы славный. Звоните. Пока!

И Зинаида поспешила к выходу. А я попросил счёт. Мне принесли терминал, и я расплатился картой.

Вдруг ко мне неожиданно подсел молодой мужчина. Он был нетрезв. В течение всей беседы с Зинаидой я не раз обратил внимание, как вызывающе он смотрел в нашу сторону. Незванный гость сходу, не поздоровавшись, заговорил:

– О! Крутая у тебя карта! И я её сегодня украду... Отвечаю!

Мужчина говорил громко. Я видел, как и прежде официант делал ему замечание. Теперь же официант подошёл с администратором, и они потребовали, чтобы мужчина немедленно покинул кафе.

Впрочем, неприятный инцидент не смог лишить меня душевного равновесия. Ибо впервые за много дней я ощущал неописуемую, наполняющую всё моё существо лёгкость. Мне показалось, что внезапно моя жизнь наполнилась смыслом. И я твёрдо знал, куда мне теперь идти и о чём теперь думать. Я захотел вернуться в гостиницу, чтобы думать о Зинаиде, уснуть и видеть о ней сны, и чтобы поскорее наступило завтра.

«Сидеть в своём кресле! И думать! Рядом моя Зинаида...» – слова прозвучали в голове так явственно, что, выходя из кафе, я не заметил препятствия, чуть не столкнув оказавшегося на ступеньке человека.

В последний момент мы ухитрились цепко ухватиться друг за дружку, что помогло нам удержать равновесие и не упасть. Впрочем, возможно, это и не было случайностью. Человек, стоявший на ступеньке, отцепился от меня не сразу. Сначала он осторожно сошёл со ступеньки и уже после разжал руки. Это был тот самый нетрезвый парень.

– Ух! – произнёс парень. – Ты меня чуть не грохнул.

– Простите, – буркнул я, отпрянув в сторону, и, отвернувшись от незнакомца, быстро пошёл прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.